

Цин Янь очень хорошо умел заботиться о людях. Когда ему было семь-восемь лет, он потерял обоих родителей. Уже тогда, будучи совсем маленьким, он умел перед школой умыть лицо матери, причесать ее, помочь перевернуться в кровати. А вечером, возвращаясь домой, он кормил ее и помогал с умыванием.

Когда бабушка лежала в больнице перед своей кончиной, проведя там три-четыре месяца, пятнадцати-шестнадцатилетний Цин Янь по очереди с нанятой сиделкой ухаживал за ней.

У Шэнь Вэня не было аппетита, и Цин Янь приготовил для него куриный суп. Он снял верхний слой жира, разорвал курицу на тонкие волокна и добавил тончайшую домашнюю лапшу, специально раскатанную до совершенства. Затем он ошпарил несколько листьев бок-чоя, положил их в суп и присыпал все свежим зеленым луком, отчего вкус стал ярким, насыщенным, но не тяжелым.

Цин Янь сел рядом с Шэнь Вэнем на краю кровати, чтобы поесть вместе с ним. Только видя, как тот ест, он наконец почувствовал себя спокойным.

«Болезнь не так страшна, как отсутствие аппетита, — подумал он. — Если человек не может есть, то шансы выздороветь невелики».

Когда Шэнь Вэнь закончил ужинать, он заметил, что за дверью было тихо, и спросил:

— Где второй брат? Он уже ел?

Цин Янь кивнул и улыбнулся:

— Он только что поел и ушел в кузницу. Сейчас много работы, поэтому он живет там.

Шэнь Вэнь на миг замер, держа в руках палочки для еды. Спустя мгновение он опустил голову и тихо сказал:

— Я доставил вам столько хлопот.

Цин Янь похлопал его по тыльной стороне ладони и ответил:

— Не бери в голову. Просто выздоравливай. В кузнице все есть, а вечером он все равно вернется домой поужинать, ничего не пропустит.

Ночью, сидя на кровати, Цин Янь взял книгу и некоторое время читал при свете масляной лампы. Почувствовав сонливость, он задул лампу, лег и попытался уснуть. Обычно он быстро засыпал, но сегодня все было иначе — он ворочался, не находя покоя.

Он привык к тому, что рядом кто-то есть. Сейчас же его окружала пустота, и холод в комнате казался особенно пронзительным.

В такие моменты он скучал по мобильному телефону. В его мире как раз в это время можно было бы сделать видеозвонок, уютно устроившись в постели, и поговорить.

Цин Янь задумался. Он представлял себе Цю Хэняня: с его фигурой костюм наверняка сидел бы идеально. А еще Цин Яню нравилось, когда высокие люди носили баскетбольную форму. У Цю Хэняня были длинные руки и ноги, его мускулы выглядели стройными и подтянутыми — в баскетбольной форме он наверняка был бы великолепен.

Так, размышляя и предаваясь мыслям, Цин Янь незаметно уснул.

Наутро он встал, начал разжигать печь, как вдруг услышал скрип ворот — кто-то вошел во двор. Ночью ворота всегда запирали на замок, а ключи были только у тех двоих, кто жил в доме.

Цин Янь поднялся, и в дверях наружной комнаты увидел высокую фигуру, принесшую с собой порыв утреннего холодного ветра. Узнав того, о ком тосковал всю ночь, он с радостью и заботой в голосе спросил:

— Разве не договорились, что ты будешь возвращаться домой на ужин? Почему только утром пришел?

Цю Хэнянь, опустив взгляд, тихо ответил:

— Хотел вернуться и увидеть тебя.

Они смотрели друг на друга долгое время, не говоря ни слова, пока в соседней комнате не раздались звуки, заставившие обоих отвернуться.

После завтрака Цю Хэнянь снова отправился в кузницу. Вернувшись позже, он принес мешок с арахисом и грецкими орехами, которые накануне вечером в лавку доставили родители Сяо Чжуана.

Цин Янь обжарил арахис, а орехи положил в большую кастрюлю для медленного просушивания. Когда все было готово, он взял корзину с орехами и пошел в соседнюю комнату.

Шэнь Вэнь утром съел совсем немного, но Цин Янь заметил, что тот старается есть больше, чтобы скорее выздороветь. Однако из-за слабости Шэнь Вэнь вскоре после еды снова уснул. Увидев, что он проснулся, Цин Янь сел рядом, начал с ним болтать, заодно раскалывая орехи.

Цин Янь развернул кусочек сахара, один сунул себе в рот, другой дал Шэнь Вэню. Сахар приятно таял во рту, а орехи добавляли к сладости нежный вкус. Это нехитрое угощение слегка подняло настроение Шэнь Вэню, и угрюмое выражение на его лице сменилось более расслабленным.

К полудню к ним зашла У Цюнянь и принесла большую, только что срезанную свиную рульку и глиняный горшочек. Цин Янь, взглянув внутрь, с удивлением и радостью обнаружил, что там было молоко.

У Цюнянь, оживленно жестикулируя, объяснила:

— У старого Ма на восточной окраине деревни корова недавно отелилась. Я долго уговаривала его, чтобы купить это молоко. Оно хорошо укрепляет здоровье.

Цин Янь оставил их в комнате разговаривать, а сам открыл печь, вылил молоко в большую миску и поставил на треногу, чтобы подогреть.

Когда из кастрюли пошел пар, Цин Янь оставил молоко еще немного томиться, чтобы оно полностью прогрелось — высокая температура также убивала бактерии. Наконец, он снял крышку и увидел аппетитную пленку кремового оттенка на поверхности молока. Она выглядела так соблазнительно, что трудно было удержаться.

Цин Янь, держа миску с молоком через ткань, аккуратно отнес ее в комнату и предложил Шэнь Вэню выпить все до дна. Тот предложил поделить молоко на троих, но ни Цин Янь, ни У Цюнянь и слушать об этом не захотели. Шэнь Вэню ничего не оставалось, как выпить молоко медленно, по глотку.

Цин Янь улыбнулся и сказал:

— Смотреть, как ты пьешь, приятнее, чем пить самому.

У Цюнянь добавила:

— Ешь больше, пей больше. Набери вес, а то уж слишком ты худой.

Когда миска опустела, Цин Янь взял ее обратно, и в этот момент Шэнь Вэнь заплакал.

У Цюнянь хотела было начать его утешать, но Цин Янь остановил ее, тихо сказав:

— Пусть поплачет. Ему нужно выпустить это наружу.

Шэнь Вэнь сначала тихо ронял слезы, но затем разразился громким, почти детским плачем. У Цюнянь, не сдержавшись, вытирала слезы, глядя на него. Сердце Цин Яня тоже сжалось от грусти.

После того как У Цюнянь ушла, Цин Янь достал мешочек с медными монетами и вложил его в руку Шэнь Вэню.

— Эти деньги ты сам отнесешь невестке Лю. Живи дальше. Пока жив, всегда есть выход.

После этой душевной разрядки в Шэнь Вэне что-то изменилось. Он кивнул и тихо сказал:

— Цин Янь, ты прав. Я буду жить дальше.

На третий день после переезда к Цин Яню Шэнь Вэнь смог немного ходить. В солнечные часы Цин Янь выходил с ним во двор, чтобы посидеть и подышать свежим воздухом.

В эти дни дом Цин Яня посетил немало гостей. Приходила тетушка Ли, заходила семья Лю Фа. Никто не поднимал печальных тем. Они просто болтали или играли в карты. Шэнь Вэнь слушал или даже принимал участие, иногда улыбаясь.

Через несколько дней синяки на лице Шэнь Вэня почти исчезли, а раны на пальцах покрылись коркой.

В тот вечер Цю Хэнянь вернулся домой на ужин.

Через пару дней наступит Фестиваль Цинмин. Когда он возвращался домой, прихватил с собой бумажные деньги и подношения для поминаний. После ужина Цин Янь аккуратно разложил эти вещи и убрал их в надежное место. Закончив с этим, он вышел в наружную комнату и придавил угли в печи золой.

Цю Хэнянь собирался выйти в свою кузницу. Уже на пороге он обернулся и спросил:

— Цин Янь, ты не видел мою серую робу? Где она может быть?

Цин Янь, оборачиваясь к внутренней комнате, ответил:

— Она в этом шкафу. У меня руки грязные, поищи сам.

Но прежде, чем он успел договорить, Цю Хэнянь уже вошел следом за ним в комнату и тихо закрыл за собой дверь. Цин Янь удивленно обернулся, но не успел сказать ни слова, как его талию обхватили сильные руки, а горячие губы коснулись его лба, век, кончика носа, а затем и

губ.

Цин Янь, держа на весу руки, испачканные угольной пылью, сначала растерялся, но вскоре с жаром ответил на поцелуй. В душе он укорял себя за то, что не вымыл руки перед тем, как войти в комнату: ему хотелось прикоснуться к лицу Цю Хэняня, обнять его крепче.

Поцелуй закончился быстро, но Цин Янь, не желая отпускать, встал на цыпочки и нежно коснулся губ мужчины еще раз, а затем еще.

Цю Хэнянь, обхватив его плечи, наклонился и мягко поцеловал его в губы, а потом с легкой улыбкой и умиротворяющей интонацией сказал:

— Ладно, хватит. Уже поздно, мне пора.

Цин Янь понимал, что время действительно поджимает, и нехотя отпустил его.

Цю Хэнянь открыл дверь и, словно вспомнив что-то, вернулся, достал из кармана халата кошелек с деньгами и протянул его:

— Это серебро, что мы заработали за последние дни в кузнице.

Цин Янь взял кошелек, и тут до него дошло, как смело он вел себя только что. Смущение захлестнуло его, он даже не смел поднять взгляд. Быстро отойдя к кровати, он открыл ящик и спрятал деньги.

Они вместе вышли из комнаты. В наружной комнате Шэнь Вэнь, который уже начал помогать по дому, наливал воду в чайник, едва не выкипевший на плите. Увидев, как пара выходит из внутренней комнаты, он заметил покрасневшие лицо и губы Цин Яня. Шэнь Вэнь тут же отвел взгляд, прикрыл рот рукой и тихонько хихикнул.

В день Фестиваля Цинмин шел небольшой дождь. Цю Хэнянь вернулся из кузницы рано утром, и вместе с Цин Янем они взяли приготовленные подношения и отправились в горы для поминаний.

Накануне своей смерти Кузнец Ван завещал Цю Хэняню похоронить его в тихом месте. Его могила расположена дальше других, и добираться туда пришлось целых полчаса пешком. К счастью, весна уже вступила в свои права: дождь постепенно ослабевал, воздух был свеж и чист, а горная тропа оказалась не слишком крутой, так что подниматься было приятно.

Цин Янь, сняв капюшон соломенной накидки, чтобы освежиться, шел позади. Цю Хэнянь это тут же заметил, обернулся и, слегка нахмурившись, сказал:

— Берегись, простудишься под дождем.

С этими словами он снова аккуратно надел капюшон на его голову.

Когда они добрались до могилы, дождь как раз прекратился. Они вдвоем вырвали траву, проросшую на могиле Кузнеца Вана, и расчистили окрестности. Цин Янь разложил перед надгробием его любимую закуску — тушеную свиную голову — и другие блюда. Цю Хэнянь достал глиняный кувшин с байцзю, налил одну чашку, вылил ее на землю, а затем снова наполнил чашку и поставил рядом с едой.

Они опустились на колени перед могилой. Цю Хэнянь сказал:

— Отец, наступил Цинмин. Мы с Цин Янем пришли навестить вас.

Цин Янь добавил:

— Отец, свинину я приготовил сам. Думаю, получилось неплохо. Попробуйте.

Цин Янь, потерявший родителей в самом раннем возрасте, с тех пор, как стал супругом Цю Хэняня, почувствовал, что обрел некое духовное родство с этим покойным стариком. Хотя они никогда не встречались при жизни, связь, идущая от Цю Хэняня, делала эту утрату близкой и значимой для него.

После поминания Кузнеца Вана Цин Янь очертил веткой еще одно место неподалеку. Цю Хэнянь поставил там другую порцию подношений.

Цин Янь, склонив голову, поджигал бумажные деньги. Его глаза покраснели, но он молчал. Цю Хэнянь стоял рядом, безмолвно поддерживая его, не задавая лишних вопросов.

Вернувшись домой после поминок, они обнаружили, что дома никого нет. Шэнь Вэнь исчез.

Обеспокоенные, они собрались было выйти на поиски, как из соседнего дома вышла тетушка Ли и окликнула их:

— Шэнь Вэнь просил передать, что он вернулся домой. И еще поблагодарил вас за заботу в последние дни.

Цин Янь встревожился:

— Как же так! Его раны еще не зажили! Если он вернется к тому Ван Хэяо, тот ведь его убьет!

Цю Хэнянь нахмурился и твердо сказал:

— Оставайся дома, я пойду сам и посмотрю, что там.

Однако тетушка Ли замахала руками:

— Не нужно, он ушел сразу после того, как вы ушли. Я уговаривала его остаться, но он и слушать не стал. Позже я не выдержала, сходила к нему домой, посмотреть, как он. А там — удивительное дело! Ван Хэяо с матерью словно с ума посходили: Шэнь Вэнь сидит себе в дворе, семечки щелкает, а они вдвоем разожгли очаг и готовят ему обед!

<http://bllate.org/book/13590/1205196>